

ПОНЯТИЕ ПАТРИОТИЗМА В АМЕРИКАНСКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Патриотизм белорусской и русской литературы о Первой мировой войне, особенно в тот период, когда Беларусь и Польша были оккупированы немецкими войсками, предмет достаточно хорошо изученный и понятный. Наиболее рельефно он выражен в стихотворении В. Брюсова, находившегося в Польше в качестве военного корреспондента и уже 1 августа 1914 г. написавшего стихотворение «Польше».

Опять родного нам народа
Мы стали братьями, - и вот
Та «наша общая свобода»,
Как феникс, правит свой полет.

А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас: «Лазарь, встань!»

Простор родимого предела
Единым взором облелей,
И крики «Польшка не сменела!»
По-братски с русским гимном слей!

«Простор родимого предела»: вот что защищали поляки, белорусы, русские в той войне. Но что защищали американцы, как объяснить патриотизм американцев, отличается ли он от патриотизма славян? Американский патриотизм, осознание себя как особой нации рождается в боях Войны за Независимость, что прекрасно отражено в историческом романе об американской революции, по исторически американский патриотизм – особое явление. Американцы изначально – патриоты идеи, идеи демократического устройства мира. Американский патриотизм тесно связан с Американской мечтой, его основа – пуританская мечта о «Граде на Холме», об устройстве общества на принципиально новых, более демократичных, более справедливых основах. Он более абстрактен, менее связан с конкретной землей, территорией. В истории США были и исключения: патриотизм в его традиционном понимании у воинов Конфедерации, южан в Гражданской войне, которые действительно защищали свою землю и свой, пусть нравственно несостоятельный, образ жизни. Каков же характер патриотизма американцев в Первой мировой войне, художественно воплощенной в американской литературе?

Прекраснодушные представления и нравственные постулаты викторианского предвоенного мира первыми были уничтожены в бойне, каковой была Первая мировая война, и те молодые люди, которым удалось пережить эту войну и вернуться домой с полей сражений, вернулись на пепелище своего духовного дома – своей веры, своих прежних идеалов, своей надежды. Это поколение окрестила «потерянным» Г. Стайн, и термин, с легкой руки Хемингуэя, прижился. Именно «потерянное поколение» и создавало литературу о Первой мировой войне.

Как ни странно, но Первая мировая война из всех западных литератур нашла более широкое отражение в американской литературе, хотя США вступили в Первую мировую войну только в 1917 году. Наиболее значительными писателями, отразившими ее в литературе, были Э. Хемингуэй, Д. Дос Пассос, Ф. Фицджеральд, У. Фолкнер. Если Хемингуэй и Дос Пассос действительно принимали участие в военных действиях, то Фицджеральд и Фолкнер не успели попасть на фронт из военных лагерей, в которых они проходили подготовку. О них можно сказать словами критика, что они были оглушены взрывами, даже не побывав на фронте.

Американским писателем, наиболее подробно исследовавшим Первую мировую войну, является, безусловно, Эрнест Хемингуэй. Войне и «потерянному поколению» посвящены его книга рассказов «В наше время», романы «Фиеста» и «Прощай, оружие», статьи о послевоенном мире, одну из которых он назвал «Победитель не получает ничего».

Если рассказы и роман «Фиеста» отражают отчаяние и неприкаянность «потерянного поколения», лишенного жизненных целей, потерявшего нравственные ориентиры, пытающегося возместить утраты жизненно важного выпивкой и прожиганием жизни, то роман «Прощай, оружие» является скрупулезным исследованием истоков «потерянного поколения», то есть, исследованием того, что представляла собой Первая мировая война.

Роман носит до большой степени автобиографический характер. Семнадцатилетний Хемингуэй сам был участником Первой мировой войны, служил в санитарном корпусе и был тяжело ранен, совершая геройский поступок. Под ураганным огнем противника он бросился на помощь товарищу, раненому при наступлении, и получил при разрыве снаряда осколочные ранения в ноги. В итальянском госпитале, куда он попал, случилась его первая любовь. Ее звали Агнесса фон Куровски. Это была красивая молодая девушка, на несколько лет старше Хемингуэя. Когда пришла пора возвращаться в Соединенные Штаты, она обещала Хемингуэю, что скоро приедет к нему. Но она так никогда и не приехала. Впоследствии Хемингуэй дважды воскресил ее в своем творчестве – в одном из рассказов, где он пишет о том, что юному герою она предпочла полковника, а тот заразил ее гонореей. По прошествии времени, приобретя собственный жизненный опыт, Хемингуэй по-иному вспоминал о своей первой возлюбленной, и уже совсем по-другому воссоздал ее нежный образ и историю своей первой любви в романе «Прощай, оружие».

Концепция Первой мировой войны в этом романе полностью совпадает со словами Хемингуэя о том, что война за демократию и окончание всех войн была в действительности самой колоссальной, самой убийственной и плохо организованной бойней, которая когда-либо происходила на земле. К этому выводу Хемингуэй приводит своего автобиографического героя, лейтенанта итальянской армии Фредерика Генри. Но за юным героем, на собственном горьком опыте познающим правду о войне, стоит в романе умудренный жизненным опытом автор. Это его позиция выражена в первых двух главах романа.

Роман начинается с идиллического описания небольшого итальянского городка, в котором расквартирована часть, в котором служит герой, командующий небольшим санитарным подразделением. Свежая зелень деревьев, маленькая речка, вода в которой такая чистая, что виден каждый камушек на дне. Герой любит эту землю, он – патриот прекрасной Италии и ее древней культуры. Но вот через это местечко начинается интенсивное движение войск – готовится очередное наступление. И вот уже зелень поблекла под толстым слоем пыли, вода в реке стала мутной. Эта маленькая глава заканчивается следующим абзацем: «Затем пришли дожди, и вместе с дождями пришла холера. Но ее вовремя сумели остановить, и в армии от нее умерло только семь тысяч человек».

Уже эта небольшая глава передает авторскую концепцию войны как действия антигуманного, бесчеловечного, отменяющего все гуманистические ценности. В мирное время смерть одного человека – трагедия, но во время войны смерть семи тысяч людей воспринимается чуть ли не как благодать – могло быть и больше. Следующая глава начинается со слов: «На следующий год у нас были большие победы». И дальше эти победы подробно описываются: были взяты две горы, и плато между ними, и небольшой городок, побольше того, в котором раньше жил герой, и в этом городке уже было два борделя – один для солдат, а второй для офицеров. Ирония авторского отчуждения к описываемому, раскрывающая его отношение к войне как к бойне не только преступной, но и бессмысленной, абсурдной, очевидна. Если в результате «великих побед» удалось занять всего две горы, с таким мощным положительным итогом, как завоевание городка с двумя борделями, то сколько же лет понадобится для освобождения всей Италии! И чувствуется, что любовь к Италии, патриотическое чувство к ее природе у героя несколько угасает.

Юный Фредерик Генри, добровольцем вступивший в итальянскую армию, поддавшись шовинистической пропаганде, пока верит в войну, хотя его и пытаются просветить водители его подразделения, называющие себя социалистами. Но вот в окоп, в котором Фредерик и его солдаты находились перед наступлением, ужиная холодным спагетти, попадает снаряд. Часть солдат он убивает, а Фредерик Генри тяжело ранен осколками снаряда в ноги. У знающих биографию Хемингуэя тут же возникает вопрос, почему своего любимого автобиографического героя автор заставляет получить ранение таким тривиальным образом. А потому, что этот сюжетный ход

призван выразить отношение к войне самого Хемингуэя: на бессмысленной преступной войне не может быть героев.

Фредерик Генри попадает в военный госпиталь, и там, как и у Хемингуэя, у него случается первая любовь. Это молодая медсестра Кэтрин Баркли, англичанка, ухаживающая за раненым Фредериком. Выздоровевшего Фредерика Генри отправляют обратно на фронт. Тяжелое расставание влюбленных.

Ранение и любовь меняют отношение Фредерика Генри к войне, и глава, описывающая его возвращение в родную часть, пропитана пессимизмом и тяжелыми переживаниями. Он видит, насколько его товарищи устали от войны и разуверились в ней. Он говорит о том, что такие слова, как «доблесть», «честь» утратили свое значение, поистершись в устах лжепатриотов и демагогов, и только названия мест и номера полков еще имели какой-то смысл. Так Хемингуэй выражает глубокое отвращение своих героев к высокопарной демагогии, оправдывавшей и героизировавшей войну. Но юный герой Хемингуэя уже отделяет себя от этой войны. Он постоянно говорит: «Я знал, что я не погибну на войне. Не на этой войне. Это была не моя война».

Вследствие бездарности итальянского командования, немецко-австрийские войска прорвали фронт, и начинается хаотичное, беспорядочное отступление при Капоретто. Фредерик, пытаясь со своими солдатами вырваться из затора, образовавшегося на шоссе с отступающими войсками, дает приказ свернуть на проселочную дорогу, чтобы обогнуть затор. На пути он подбирает двух сержантов, отбившихся от своей части. Вскоре машина застревает в грязи проселочной дороги. Все усилия вытащить ее тщетны. Сержанты предупреждают Фредерика, что скоро здесь будут немцы и нужно уходить пешком. Фредерик не согласен оставить машину, и настаивает на дальнейших усилиях до ее освобождения. Сержанты заявляют, что тогда они продолжат путь сами. Фредерик кричит, что они обязаны подчиниться его приказу, иначе он откроет огонь. Сержанты, не обращая на него внимания, позорятся и уходят. Фредерик стреляет, он попадает в одного из сержантов, второму удается спастись бегством. Через несколько часов тщетных усилий он понимает, что сержанты были правы. Он отдает приказ бросить машину, но, прежде чем уйти, бросает последний взгляд на жалкую фигурку человека, которого он убил, лежащую в грязи, и понимает, что он совершил преступление. С точки зрения законов военного времени он был прав, наказав низшего по званию, не подчинившегося его приказу. Но с точки зрения человеческих законов он совершил убийство человека, который в споре с ним был прав.

Этот эпизод является переломным в отношении Фредерика Генри к войне, и все, что следует далее, - следствие этого эпизода. На следующее утро, узнав, что один из его водителей дезертировал, Фредерик Генри не выражает возмущение, он даже дает согласие на просьбу шоферов не рапортовать о его поступке военным властям, чтобы не навлечь санкции на семью дезертира.

В конце концов Фредерику удастся догнать колонну отступающих частей, но у реки он замечает, что военная полиция выводит из колонны всех офицеров. Разговор с ними прост – их присуждают к смертной казни за отступление и расстреливают на месте. Когда наступает очередь Фредерика и ему предъявляют обвинение в шпионаже на основании того, что он говорит с акцентом, он бросается в реку и таким образом спасает себе жизнь. Он говорит, что гнев смыла вода вместе с чувством долга. Отныне он заключает «сепаратный мир» с войной. Изменяется и его отношение к Италии – нет больше любования ее прекрасной природой, осталось только прагматичное желание выжить. Следующая после побега глава начинается словами: «На следующий день я пересек Венецианскую равнину под дождем».

Фредерику удастся спастись, найти Кэтрин и бежать с ней в нейтральную Швейцарию. Герои счастливы. Но от мира, охваченного войной, спастись невозможно. Кэтрин умирает при родах, погибает и ребенок Генри. В конце романа герой остается в одиночестве, оглушенный горем.

В этом романе Хемингуэй выявил истоки «потерянного поколения», показал причины его появления.

Антивоенный пафос романов о Первой мировой войне Хемингуэя, Дос Пассоса («Три солдата»), У. Фолкнера («Солдатская награда», «Сарторис») определили антивоенный пафос и пацифистский дух американского романа о войне, в том числе и о Второй мировой войне, и американского исторического романа. Патриотизм американцев в романах о войне – явление весьма относительное.